

Сумрачно было в райкомовском дворе, тревожно. Сигнала желтыми фарами, черные «Волги» пробивались среди военных грузовиков, раздвигая толпящихся в ожидании погрузки солдат. Все вокруг двигалось, гудело, слепило фарами, хлопало дверцами машин и материлось голосами райкомовских шоферов. Секретарь райкома товарищ Маздухина шла через двор в окружении сподвижников.

— Ну где машина? — не оборачиваясь, бросила она за спину.

— Я дважды в гараж звонил, — был робкий ответ из-за спины.

— А надо сбегать, а не звонить. Звонил он...

Черная тень метнулась от высокопоставленной группы в темноту. Стояли, ждали, прикрываясь от ураганного ветра.

Вдруг, как говорится, откуда ни возьмись — из темноты двора, из тревожно скользящих фар вынырнула фигура русского интеллигента, наследника и приблизилась к Маздухиной на расстояние протянутой руки. В прямом и переносном. Маздухина демонстративно не замечала вздрагивающую на ветру фигуру.

— Товарищ Маздухина, товарищ Маздухина! — выкрикивал Иван Сергеевич, пытаясь попасть в поле зрения. — Одну минуточку. Извините, если не вовремя, но я не могу ждать. Дети гибнут!

— Иван Сергеевич! — наконец прервала Маздухина изучение неба. — Вы русский язык понимаете? Нет катеров, нет солярки, ничего нет. Могу дать талоны на мыло.

— Не надо мне никаких талонов, — застонал наследник, — мне катер нужен, лодки, что-нибудь. Там же дети!

— У всех дети! — вспыхнула Маздухина. — Не надо давить на психику. Давайте без эмоций, по-деловому.

Но тут, сверкая фарами, подкатил райкомовский «ЗиЛ», захлопали дверцы.

— После замера поговорим. Замер у меня, видите? — смягчилась Маздухина. — Не мешайте, пожалуйста.

И тут же к сподвижникам:

— Потапов! Где опенление? Генерал Потапов!

— Уже выехали! Раньше нас будут, — был ответ генерала, молодцевато, как на параде. Орел!

— А вы это, — замаялась Маздухина, разглядывая кряжистую фигуру, возникшую перед ней, — вы почему, извиняюсь, без штанов?

И действительно, странность была в генеральской одежде. Китель, фуражка — чин чинном, пуговицы блестят, а вот внизу — конфуз. Огромные сатиновые трусы гулко хлопали на ветру, как парус. И надо сказать, никак не украшали Потапова подвязки для носков, 53-го года выпуска.

— Так это... форма одежды новая в связи с событиями, — оправдывался генерал. — Кругом же вода, брюки мокут. Неаккуратно. Я ввел новую форму одежды. Приказом. Если имеются возражения — могу отменить.

Вокруг бегали, толкали, мешали говорить.

— Колониальная форма, — уточнил гебешник, прикрывая почему-то шляпой лицо — от ветра, что ли? — Американцы в таком случае шорт носят.

— Так я и писал в приказе — шорты, — воспрянул генерал, заглядывая в дверцу к Маздухиной. — Так где ж их взять-то? Одна штука на гарнизон.

— Вот и надели бы, для примера, — заметила она. — Ну что стоите, садитесь же. Ехать надо.

Загудело, заурчало, замигали мигалки на черных «Волгах», и процессия тронулась в путь.

Райкомовский «ЗиЛ» сильно трясло на ухабах. Впереди сидела Маздухина, сзади — гебешник, генерал и Иван Сергеевич.

— Ну как так можно, Иван Сергеевич? — поучала Маздухина. — Что мне вас из машины выпихивать, силой? Ну, что вы молчите?

Она повернулась и посмотрела на доктора:

— Ну вот теперь плачете... А зачем мне садиться в машину? Хотите разжалобить? На эмоции давите, так что ли?

Иван Сергеевич действительно плакал, нелепо манипулируя платком возле носа.

— Так дети же, — как попугай твердил он. — Я умоляю вас... Что-то сделать... Вы меня знаете... Я бы не стал...

Идущая впереди «Волга» с мигалкой наверху завила сиреной, освещая фарами группы людей, бредущих в развалинах непонятно куда и зачем.

— Ну что делать с ним? — вздохнула Маздухина, ни к кому не обращаясь, но уже явно смягчившись, так сказать, гуманизовавшись. — А может, вертолет послать? Вон в КГБ имеется.

Она кивнула на гебешника, продолжавшего и в машине прикрывать лицо шляпой. Похоже было, что он спал.

— Товарищ Залиуллин, — громко сказала она. — Тут надо помочь интернату. Вертолет требуется.

— Нет вертолет. Сломался, — плаксиво подал голос гебешник.

— Как так — сломался? — возмутилась Маздухина от такого явного вранья. — Все утро летал, тархтел над головой, листовки разбрасывал. И вдруг сломался.

— Никто не знает. Расследуем. Диверсия, она ду-

мат, — жалобно простонал гебешник и умолк на полуслове, как вырубился.

— Что это с ним? — спросила Маздухина с испугом.

Потапов недоуменно пожал плечами:

— Вроде трезвый.

Но не такой была человек Маздухина, чтоб не дойти до истины, до основания причин и следствий.

— Что это у вас с лицом? — бестактно громко спросила она. — Что это вы шляпой тут прикрываетесь всю дорогу, я спрашиваю?

— Болею. Раздражение у меня. Нельзя без шляпы. Болезнь — она... — раздалось из угла. — Извиняюсь.

— Так вот и доктор здесь! Вон, доктор сидит, покажите, ну? — не отступала Маздухина. — А может, у вас заразное, а мы вместе едем.

— Действительно, полковник. Что вы кошку-мышку играете? — вмешался Потапов. — Давайте-ка шляпу сюда. Давайте, давайте.

Видит Бог, не следовало Потапову отбирать шляпу, ох, не следовало.

— Ой, мамочки! Ой! — заголосила Маздухина истощно, по-бабьи.

Константин

ЛОПУШАНСКИЙ

«РУССКАЯ СИМФОНΙΑ»

Имя Константина Лопушанского не нуждается в представлении, но новую его вещь, которую сам он называет киноповестью, представить нужно.

О чем идет речь? Да о конце света! Апокалипсисе в отдельно взятой стране, воспринимаемом окружающими как внезапная перемена климата, о всезатопляющей Пошлости, этом главном действующем лице русской жизни, поселившемся в литературе с гоголевских времен. Все признаки конца света налицо: мертвецы вылезают из могил, воды хлынули на сушу, небо озарено адским пламенем. Но власти держатся бодро, есть испытанные средства — ОМОН, милиция, войска, из новых — залы святой водой или крещение. И в этой неразберихе мечется русский интеллигент, то ли врач, то ли директор детского дома, то ли князь Мышкин. Сохранит ли он свое лицо в хаосе, выживет ли, спасет ли детей своих? Одно знаю, в конце фильма, а фильм, конечно, будет, камера обязательно остановится на перепачканных грязью всемирного бедствия детских личиках, и мы опять с сжимающимся сердцем будем думать — а что же дальше?

Андрей ТИТОВ.

Целиком повесть будет опубликована в журнале «Искусство кино».

И было от чего. Прежде всего бросались в глаза кляксы и непонятная, проступившая на лице мерзость — слизь какая-то. Да и форма того, что раньше было лицом, надо сказать, разительно изменилась. Верхняя часть была вроде как обезьянья, петикантроп — в лучшем случае, а вот нижняя совсем утерала следы эволюции. Пасть — да и только. Ощутимо запахло сырым мясом.

— Лекарств, американская заказаны. Спецпакет дает. Помогает мало, — оправдывался гебешник, затравленно зыряка хищным глазом. — Имундефицит, блять... Боротца будим!

Машины, сигнала и завывая сиренами, въехали прямо в центр милицейского опенления, хотя никакого опенления в сущности уже не было — была каша. Была паника. Милицейские газики, грузовики, пожарные машины — все двигались назад по размытой дороге, сдвигаясь так, как нельзя было развернуться, от чего-то ужасного, вероятно, потому как все были, прямо сказать, не в себе. Среди мелькающих в суматохе фигур эдакими братьями по разуму выделялись солдаты химзащиты с баллонами, как для опрыскивания насекомых, за спиной. В противогазах. Милицейский полковник бросился прямо на капот «ЗиЛа» и заорал:

— Назад! Назад, говорю, сдай! Твою мать...

Затем, как бы сознание вернулось к нему, то ли разглядел он в машине Маздухину, короче, бросился к ней, к открытому окну дверцы и побежал рядом с машиной, докладывая на ходу.

— Лезут! Вот крест, лезут! — захрипел он сорванным голосом прямо в лицо Маздухиной. — Ничего не могу! Все!

И вдруг, рванув на себе ворот, возопил:

— Матушка-заступница, Валентина Ивановна! Вызывай войска! Артиллерию! Звони в Священный Синод, в епархию! Святой водой, залпом — одно спасение... Гибель идет... Детки малые, пионеры... Не дай погибнуть!

И тут же шархнулся в сторону, в толчею и закричал кому-то:

— Кардобин! Отходи к балке, мудила! Бросай технику!

Маздухина вылетела из машины, яко ведрь.

— Ты что разорался, психушник?! Полковник! Полковник...

Но того и след простыл. Вот-те нате.

Поднимались по темной лестнице какого-то брошенного дома. На лестничной площадке возле выбитого окна остановились, и офицер спецназа сухо сказал:

— Отсюда видно. Возьмите бинокль.

Маздухина приложила бинокль к глазам:

— Где? Ни черта не видно.

— Сейчас свет дадим, — так же сухо ответил офицер и рывкнул в переговорник: — Семенчук! Направь на объект.

Луч прожектора скользнул по чахлым кустикам, потом замер на пустыре, где шевелилось какое-то месьиво. Но это так, для глаза невооруженного, так сказать. А для Маздухиной через бинокль все было в десятикратном. И потому она тихим и дурнеющим голосом выдохнула:

— Ох, мамочки родные. Покойники! Жмурь ле-зут.

Сквозь круглые окуляры видна была яма, вроде как дырка такая в земле. И из этой дырки, быстро-быстро перебирая руками и ногами, лезли люди в иллевших одеждах и так же быстро, по-пластунски разползались во все стороны. Как тараканы. Вот такой человеческий фактор. Неучтенный. Такие дела.

Итак, главный писатель поправил свечу, налил водку в стаканы и продолжил свое шептание:

— Поезда... Кровь на белом снегу... Апокалипсические видения... Россия, кровью умытая. Да. Все так, только вопрос имеется — почему каждый из наших, отечественных духовидцев рисовал Апокалип-

сис? Почему бездны всегда разверзнутся и никак не иначе? И непременно — у мрачной бездны на краю. На краю, понимаешь? Ну отойди ты, несчастный, от края, а то свалишься. Ан, нет. Не тут-то было. Тянет его к последней черте — мочи нет. Взглянуть хочется. А там Апокалипсис. Там Бог с Дьяволом борется за красоту эту, которая якобы спасет мир. Ни черта не спасет, доказано. Потому как сто сорок четыре тысячи спасенных будут на Страшном суде. И все. Это за всю историю?

— Из колена израиляева, так вроде написано, — уточнил Иван Сергеевич, разглядывая стакан.

— Ну, может из Израйля, я плохо это место помню. Не буду спорить. Давай выпьем, Ваня, — предложил писатель. — Я ведь чего пришел. Я спать не могу — все про твоих деток думаю. Ты глубоко взял. Ох, глубоко. Ты в самый корень российского духа копнул. И еще глубже, потому как если малые мира сего, сырые, безвинные детки жить не хотят, то кому же возможется? Я утром вскочил как ошпаренный, разбудил Нинку и криком ей: «Дурал! Да это же Толстой современный к тебе приходил, машинку выпрашивал. Достоевский! А ты, пьянь, поучала, как описание природы марать. Шутки-мишутки показывала». Ну надавал ей в сердцах по мордам. Погорячился, конечно...

— Зачем так? — прошептал Иван Сергеевич смятенно. — Не надо женщину бить. Нехорошо это. Вам извиниться надо.

— Да все уже, — недобро улыбнулся главный. — Замирились. Нажралась в сосиску. Тараканы по ней ползают, в рот залезают, а ей хоть бы что. Утром намажется, накрутится — ну розанчик прямо. Кто бы подумал... А ночью храпит — хоть святых выноси. Стерлядь, иерихонская.

Помолчали. Время текло — часами тикало. Стекла дрожали в окнах. Дуло от них. Свеча мигала, вздрагивала, и потому, наверно, не сразу заметил писатель, что его собеседник, как бы это сказать. Словом, обливался слезами самым натуральным образом, правда, беззвучно как-то, но оттого, может, еще беззутешнее.

— Ты что, Ваня? — опешил главный. — Я что, обидел тебя? Нет, ты скажи. Что с тобой? А ну, водички давай. Водички попьем.

— Не могу. Не могу так. Сил нет, — проскулил Иван Сергеевич. — Ведь правильно. Точно. Человек всю жизнь спит. Спит! Сон это. Во сне... Кошмар какой-то. Там дети тонут, а я... Что? Что мне писать? Какие такие глубины духа? Мне катер нужен. Ты понимаешь? Катер. Хотят они жить — не хотят. Вырастают — разберутся. Ты сумасшедший, безумец. Тараканы какие-то в рот ползут. При чем тут тараканы я тебя спрашиваю! При чем?! Иван Сергеевич уже кричал. Бился припадочно, глаза закатывал.

— Вань, Ваня, водички давай. Попей, легче будет, — не отступал главный, пытаясь насильно влить воду в рот задыхающегося отчаянием собеседника.

Но тот вдруг вскрикнул дико как-то, нечеловеческим криком и, опрокидывая стул, рухнул поперек кровати. Откинул голову. Затих. Как неживой.

— Да это ж Мышкин! — осененно выдохнул писатель. — Эпилепсия. Голубчик ты мой. Не узнал, не узнал тебя! Сейчас доктора позову. Потерпи, милый.

Последние слова доносились уже от дверей номера, ибо писатель бросился в коридор к дежурной за помощью. Надо сказать, что тухнул он порядочно — а вдруг как помрет наследник, холеры не оберешься.

В коридоре была темень тьмущая. Спали младшие братья, как перед битвой на Куликовом. Тревожным сном. Мерцала лампадной одинокая лампочка на столе у дежурной. Туда и направил свои стопы по телам, мешкам, узлам обезумевший от страха писатель.

— Доктора! — выдохнул он в лицо дежурной, вцепившись руками в деревянную стойку. — Человек умирает. Эпилепсия...

Все ожидал услышать в ответ инженер человеческих душ и увидеть готов был многое, суровая школа жизни стояла за его плечами, но только не это. Вернее, не то, что он увидел.

Дежурная, глядя в него и мимо одновременно, раскрывала рот в мучительном крике, но беззвучно, словно боясь закричать, слегка повизгивая и как-то заметно, будто во сне. А главное дело, корчила рожи какие-то, абсолютно бессмысленные. Кривлялась, дрянь, при этом еще подпрыгивая на стуле вверх-вниз. Занавеска висела почему-то прямо за ее спиной и двигалась, как от ветра, хотя вроде бы ни откуда не дуло.

— Вам плохо? — не нашел ничего лучше спросить писатель.

— Хорошо, — простонала дежурная и тут же закатила глаза, вцепившись руками в барьер.

— Ой, ой, ой, не могу. Кончаю... Ой, кончаю... Только тут до писателя дошел сакральный смысл действия. Он хмыкнул весьма похабно и стыдливо зыркнул в темноту коридора.

— Отойди, шакал, Бесстыдник. Чего лыбишься? — слышалось оттуда, и огонек сигареты прочертил кривую дугу.

Тут откинулась занавеска за спиной дежурной. Усатое лицо дышало гневом и ненавистью.

— Я тебя, собака, сейчас резить буду! Сейчас, сейчас, — сообщило оно и тут же исчезло за занавеской.

Писатель не стал испытывать судьбу. Мигом помчался по коридору к черной лестнице. И там сгинул. Следом за ним тут же метнулась по коридору другая тень, застегивая на ходу брюки.

— Бегают, бегают... Спать не дают, — проворчал старик-узбек, поднимая голову с холодного коридорного пола. Поправил тюбетейку, зевнул и тут же, охнув, стремительно прижался к полу. Перепрыгивая через него, как на скачках, промчались над ним еще два джигита.

— Шайтан поберит... Дня им мало, — разозлился старик, встал и направился к телевизору. Хотя время было позднее, но телевизор работал негромко, правда, а все-таки мешал спать. Мягко ступая в теплых носках по казенному холодному полу, старик подошел к экрану, стал шарить по панели, выискивая кнопку отключения.

— Кто за страшный суд, товарищи? Прошу голову совать, — предложил на экране товарищ Лукьянов, но тут же погас.

Лестница дома была темная, грязная, с отколовшимися ступеньками — чтоб ноги ломать. Ломом били их, что ли — одному Богу известно. Ну и, понятное дело, на стенах... Размышления юношества, так сказать, о загадке происхождения homo sapiens как вида. В общем, все как обычно. Ничего интересного. Как говорится, не на что глаз положить.

Иван Сергеевич обошел на площадке перевернутый мусорный бак и позвонил в дверь, номер 13. В левый нижний звонок, потому как звонков было множество. Прислушался. И почувствовал ему вроде как церковное пение из-за дверей, даже не по себе стало как-то. Что за черт? Приложил ухо к дверям — действительно, никак поют?.. Ветер гудел на лестнице, дуло со всех дыр, в окнах подъезда багровые сполохи отражались. Какое-то предчувствие висело в воздухе, как перед грозой. Холодный пот даже выступил у Ивана Сергеевича на свежевыбритом лице, потому как вдруг почувствовал ему, что это никакая не дверь, а вход некий, ворота, ведущие на тот свет, в запредельные выси миров иных.

— Это ко мне пришли, — объясняла она, — что вы толкаетесь?

— Ишь, заманивают! — упиралась старушка, пытаясь спасти приبلудного интеллигента. — Нечего ему там делать. Пусть здесь стоит.

— Стой здесь, спасешься, — тихо добавила она на ухо Ивану Сергеевичу, — а у них секта, они отлученные.

И уже громче, чтоб и другие слышали: — Они в огне гореть будут! Не пущу!

— Да что вы цирк тут устраиваете! — взвилась интеллектuala. — Я говорю, ко мне человек пришел. Он в дверь звонил. Ваня, что ты молчишь? Скажи им. Ты к кому пришел? Ко мне или к жилищке к этой?

— Тише вы! — заикались на них со всех сторон. — Крещение идет, а вы разорались... Вон, службу прервали из-за вас...

Действительно, пение в районе кухни прекратилось, все зашумелись, задвигались, усталились на Ивана Сергеевича. Опять он был в центре внимания, опять околдовал — да, что за напасть такая. Пок-

рываясь краской и пряча глаза, Иван Сергеевич промямлил вяло:

— Я вообще-то к Зинаиде Федоровне пришел, в гости. Действительно...

— Ну видите? — торжествовала блудница. И, ухватив наследника под руку, потащила его сквозь толпу по длинному коридору коммунальной квартиры в свою комнату. В логово, значит.

— Ох, милый, не знаешь, куда идешь, — вздохнула ему в спину старушка. Но было уже поздно. Выбор был сделан.

А между тем ничего страшного в комнате у Зинаиды не было, если не считать двух бритоголовых молодых людей с восточным разрезом глаз, в набедренных повязках и босиком. При появлении Ивана Сергеевича они вежливо пошушукались и удалились в смежную комнату, откуда тянуло благовонными курениями. Кроме вышеназванных, была в комнате еще старушка-толстушка Клавдия Семеновна, мать Зины, и подруга хозяйки, Татьяна, такая же интеллектuala и энергичная.

Иван Сергеевич долго снимал пальто, прилаживал рюкзаки к полочке для обуви, а тот не хотел там стоять, падал. Короче, стеснялся, неловко ему было. Казалось ему — все понимают, пришел ночевать, напросился, а тут и так гостей хватает.

Зинаида увивалась вокруг него, говорила без умолку, старалась убажить. Чего-то ей надо было от него. Непроста, надо думать.

— Ну я так рада, не можешь себе представить. Ну это просто фантастика, как специально, — заглядывала она в глаза гостю, поджидая, пока тот сместит испоганенные свои туфли, с навечно завязанными шнурками, на выданные ему тапки. — Как только ты позвонил, что придешь, я тут же...

— Татьяна! — прервавшись, позвала она подругу. — Вот, Таня не даст соврать, я сразу сказала — это судьба. Все точно. У меня в гороскопе сегодня Юпитер во втором доме, понимаешь? То есть удача, стечение обстоятельств...

— Колоссально благоприятное, — подсказала Татьяна.

— Да, а она не знала, — перебила восхищенно хозяйка. — Что ты врач.

— Я действительно понять не могу, чего она радуется а потом вдруг, как осенило, неужели врач горю, придет?

Обе расхохотались, переживая заново столь удивительную историю, правда, в чем смысл ее — Иван Сергеевич не мог понять.

— Мы тут с ног сбились — врача искали, — задушевно сообщила хозяйка. — Тебя, наверно, замучили с этим делом...

— Я ведь не практикую давно уже. Я в интернате, директором, — промолвил гость, входя в комнату и присматриваясь, куда бы сесть. Однако сесть не предлагали.

— Только не надо, — возразила Зинаида. — Что значит не практикую? Что, справку не можешь выписать? У тебя даже степень есть, не хухры-мухры...

— Мы так рады, так ждали вас, — подала голос старушка-толстушка и почему-то стала поправлять что-то у себя под юбкой.

— Ты маму мою помнишь? — не закрывала рот Зинаида. — Ага... Вот и прекрасно. У нас даже бланки с печатями есть, все готово.

И с этими словами, как по команде, три дамы зашебурились у себя под юбками, оттягивая тугие резинки, опуская ниже колен цветастое многообразие своего интимнейшего туалета и обнажая тем самым сокровище до поры до времени от посторонних взоров.

Если до этого мало что понимал в происходящем Иван Сергеевич, то теперь перестал понимать вовсе. Бледен был русский интеллигент и весьма напоминал статую.

— Ну долго стоять так, ведь дует, — не выдержала хозяйка, придерживая юбку руками.

— Действительно, дует откуда-то, — поддержала Татьяна и, неловко переставляя ноги (не больно походишь в такой позиции), приблизилась к Ивану Сергеевичу. — Давайте. Начните с меня.

— Как? — не понял наследник и сглотнул.

— Что как? — удивилась Татьяна.

— Может, лечь на диван? — засуетилась старушка-толстушка. — По очереди...

— Да, правда, наверно, так неудобно, — согласилась Татьяна, — давайте я лягу, а вы начнете...

Она проковыляла к дивану.

Иван Сергеевич стоял, как стоял — каменно, не шелохнувшись.

— Ты что, стесняешься? — вульгарно хмыкнула Зинаида.

— Мы можем и заплатить, если в этом дело, — предложила старушка-толстушка.

— Я что-то не понимаю. У меня что-то с лицом. Вы меня за другого кого-то, наверно... Вы извините, — выдохнул на едином дыхании Иван Сергеевич и торопливо направился к дверям одеваться.

— Куда? — взвизгнула Зинаида, мигом вернула колготки на положенное им место и устремила следом за беглецом.

— Ты что дурака валяешь? — вцепилась она в пальто наследника, не давая ему одеться. — Не понимаешь, что ли? Это же смертный грех. Погубить всех нас хочешь? В геену огненную отправить?

Она разрыдалась вдруг, визгливо, ненатурально, короче, видно было, что не больно ей хочется плакать, а так — давит на психику интеллигенту, воздействует.

— А я ждала, надеялась, старый друг, думала, — прорывалось сквозь всхлипы.

— Что — надеялась? Что, я не понимаю. Какой грех? Ты о чем говоришь? — пытался понять Иван Сергеевич. — Ты объясни толком.

— Как? — тут же утихла хозяйка. — Ты что, не

знаешь? Аборты — это смертный грех, так все говорят. Нужна справка, осмотр. Что не было. Иначе — конец. Все. Ничего не поможет.

Она заскулила снова.

— Ах, вот что... Иван Сергеевич опустился на подставку для обуви. — Так я же не гинеколог, а психиатр...

— Какое это имеет значение. Ты врач, — Зинаида вдруг перешла на шепот, поглядывая зачем-то на потолок, будто кто-то ее мог услышать оттуда. — Тебе никакого греха нет, ну, чуть-чуть только, маленький, если, скажем, ты ошибешься, а это с кем не бывает. Тебя все поймут, оправдают. У тебя и заслуги есть — детки-сироты, интернатские. С тобой все в порядке. Пристроился вовремя. Умный ты, я всегда говорила... А у женщин — проблема, понимать должен.

— Можно мне чаю? Пожалуйста, — прервал Иван Сергеевич торопливую скороговорку хозяйки.

— Чаю ему, — непререкаемым тоном приказала она, облегченно вздохнув.

— Он чай просит, — передала, как по цепочке, Татьяна.

— Ага, сейчас, — засуетилась Клавдия Семеновна и появилась в прихожей, держа чайник в вытянутой руке.

— Вы только сами поставьте, на кухне, — попросила она Ивана Сергеевича. — У нас там конфликт, с кооперативом этим... Лучше не появляться.

— С кооперативом? — удивленно поднял глаза наследник, ибо никак не связывалось в его воображении увиденное в коридоре с представлением о свободной коммерческой деятельности.

— Ты только не подумай, что мы против них, — уточнила Зинаида Федоровна. — Мы просто другие. Мы — Тибет, мы секта, а они — Византия... Это так исторически все сложилось.

На этих словах вышел Иван Сергеевич уже в коридор и потому так и не узнал, в чем историческое отличие православия от загадочной секты.

